

Константин Фрес

Поцелуй чудовища

«Литнет»

2019

Фрес К.

Поцелуй чудовища / К. Фрес — «Литнет», 2019

Однажды он получил необычный подарок ко дню рождения - билет в закрытый БДСМ-клуб и ту девушку, что хочет. Он - босс, властный, жестокий и жесткий, которого за глаза называют не иначе как Чудовищем. Она - его подчиненная, молоденькая сотрудница, скромная, тихая и пунктуальная. Каковы шансы, что эти двое отыщут друг друга после незабываемой горячей встречи?.. Графичные сцены секса, брань. Элементы БДСМ.

© Фрес К., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Глава 1. Лилия и роза	5
Глава 2. Глеб	9
Глава 3. Олечка	12
Глава 4. Сессия	19
Глава 5. Муки Ада	23
Глава 6. Сессия номер два	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Лилия и роза

- Правило первое: не разговаривать. Здесь уместны только кодовые слова, обозначающие ответы «да» и «нет». Роза - да, лилия - нет. Рот всегда остается свободным на тот случай, если вам вздумается сказать «нет». Лилия. Это понятно?

- Роза, - тихо ответила девчонка, неловко сидящая на стуле. Понятливая, черт...

На ее лице была плотная повязка из темного непроницаемого материала, девушка чуть откидывала голову назад, думая, что ее уловки никто не замечает, стараясь сжурничать и увидеть под повязкой хоть что-то, но повязка была надвинута низко и завязана плотно, и ничего, разумеется, девчонке увидеть не удавалось, как бы она ни старалась.

Тихонько вздохнув, почти всхлипнув, она опускала голову, стискивала дрожащие нервно колени, и ее пальцы крепче впивались в сидение стула. От этого жеста, сколь неуверенного, столь и трогательного, ее плечики задирались вверх, тонкая ткань чуть оттопыривалась вперед, и в вырезе блузки становилось хорошо видно нежную округлую грудь, тонкие зубчики кружев на ее бюстгальтере, и кожа казалась такой бархатисто-нежной, как персик. Девчонка была совсем юна; двадцать один год - почти совсем девочка... И уже в таком месте, м-да...

- Сегодня мне выпала роль доминанта, - чуть смягчив голос, продолжил мужчина. Девчонка явно волновалась; то ли от страха, то ли от предвкушения ее тонкий подбородочек дрожал, маленькие аккуратные губы были крепко сжаты, и мужчина, поддавшись неожиданному порыву, шагнул вперед, ухватил этот дрожащий подбородок и очень медленно, вкрадчиво провел большим пальцем по ее губам. - Но любое мое действие вы можете прервать одним лишь словом «лилия». Это значит «нет». И я вынужден буду подчиниться. Понятно?

- Роза, - чуть хрипло ответила она. Под его пальцем ее губы раскрылись, шевельнулись - и внезапно прихватили подушечку его пальца, целуя, так откровенно соблазнительно и одновременно с тем так чисто, непорочно, что он охнул. На миг ему показалось, что эта испуганная девчонка, не до конца освоившаяся ролью нижней, тоже хочет доставить ему удовольствие. Какие-то теплые чувства проскользнули в этом шелковом, нежном прикосновении, но он тряхнул головой, прогоняя эту наивную и одновременно такую желанную мысль.

Просто два человека.

Случайная связь, чтобы пощекотать нервы.

Просто секс. Воплощение потаенных и самых смелых желаний.

- Второе правило клуба: абсолютная добровольность, никакого принуждения. Вы можете уйти уже сейчас. Отказаться от... свидания, - он зашел за спину девчонки и она повернула голову, на слух отслеживая все его перемещения. Его рука скользнула по ее плечу, пальцы, подрагивая, робко коснулись шеи, и тут же сжались, лаская жадно, бессовестно ныряя вниз, по вздымающейся груди, в эту соблазнительную сладкую ложбинку. - Уйдете?

Его пальцы осторожно высвободили грудь девчонки из кружевной чашечки и погладили сосок - намеренно тонко, чуть касаясь, до острых покалываний, тревожа каждое чувствительное нервное окончание, так, что девчонка ойкнула и завопилась на стуле, крепче стискивая колени, как будто это поможет унять возбуждение.

- Уйдете? - повторил над ее склоненной головой спокойный голос. Спокойствие это было деланным; в тишине комнаты с абсолютной звукоизоляцией, в крохотном мирке, отрезанном ото всех внешних звуков, было слышно, как мужчина дышит - прерывисто и шумно, наблюдая за собственными пальцами, неспешно распуская пуговку за пуговкой на белоснежной блузке, освобождающими и вторую грудь из бюстгальтера и сжимающими приятную округлость.

- Лилия, - ответила она. В голосе ее послышался какой-то дерзкий вызов, хотя плечи ее дрогнули, девчонка чуть сгорбилась, словно постаралась стыдливо закрыться от взгляда

незнакомца, от его бессовестных пальцев, поглаживающих ее небольшую, аккуратную грудку с торчащими острыми сосками.

- Отлично, - ответил он, склонившись над ней и наблюдая, как ее щеки покрывает румянец смущения, как все чаще вздымается ее грудь и как наливаются кровью, становясь из светлых ярко-розовыми, ее соски.

Он рывком поднял ее на ноги, бесцеремонно стащил с ее вздрагивающих плеч блузку, расстегнул и отбросил в сторону лифчик. Девушка, несмотря на данное ею согласие, дрожала; ее дыхание участилось, она почти вздрагивала от грубых рывков, которыми он освобождал от одежды - словно распаковывал, освобождал попку от грубой оберточной бумаги. Она инстинктивно прижала руки к груди, прикрываясь, но он грубо отвел их, заставил снова раскрыться перед ним, и жадно припал губами к соскам. Его поцелуи были грубыми, даже болезненными, он прихватывал розовые ореолы зубами, щекотал остро торчащие соски языком по очереди до такой степени, что девчонка, крепко ухваченная его руками, начала поскуливать и приседать, стыдливо поджимать ножки - то ли от боли, то ли от страха, то ли он жгучего удовольствия.

Впрочем, стоп-слова она тоже не говорила. Дыхание вырывалось из ее раскрасневшихся губ шумно, почти срываясь на рыдания, но она позволила бросить себя на холодный стол вниз животом, и задрать узкую юбку тоже позволила, не пискнула даже.

Мужчина, навалившись на нее, шумно сопя, покрывал жадными поцелуями ее плечи, ее подрагивающую шею, его руки по-хозяйски влезли меж ее дрожащих бедер и заставили девушку развести ноги шире. Каблучки ее туфель - высокие шпильки, - звонко зацокали по полу, его колено ловко влезло меж ее бедер, толкаясь, девушка чуть взвизгнула, оказавшись почти вздернутой в воздух, с широко разведенными ногами.

- Откажетесь? - горячо шепнул он ей на ухо, прихватывая горячую мягкую мочку губами.

- Лилия, - упрямо ответила она, и он жадно куснул ее в плечо, заставив ахнуть и замереть, терпя боль, которую он причинил - и тут же загладил горячим языком.

Его ладонь легла меж ее ног, он удовлетворенно хмыкнул. Несмотря на испуг, девушка была мокрой. На ее беленьких трусиках, таких трогательных, таких чистеньких, расплывалось предательское мокрое пятнышко, и его пальцы, нащупав влагу, осторожно, почти нежно погладили его, отчего пятнышко только увеличилось.

Он гладил и гладил промежность девушки, чуть надавливая пальцами, повторяя рельеф ее набухших губок, цепляя и дразня бугорок клитора и поддразнивая истекающий соком вход. Девушка под ним затихла. Ее дыхание вырывалось меж сжатых зубов короткими рваными выдохами когда его пальцы ускорились, потирая белый шелк все настойчивее, и она завозилась, закрутила задницей, нетерпеливо постанывая, готовая принять его.

- Не все так просто, дорогая, - шепнул он коварно, куснув ее за ухо и получив очередной испуганный горячий вздох. Девчонка боялась; она вздрагивала под его руками как чуткое неприрученное животное, и он наслаждался этим страхом, этой настороженностью и ее всхлипами, такими трогательно-нежными, невинными, почти срывающимися на рыдания.

Его ладонь скользнула вперед, меж ног, до самого подрагивающего животика, глядя. Казалось, мужчине доставляет удовольствие одно только ощущение женского тела под ладонью, влажного жара и податливой мягкости. Его пальцы подцепили резинку трусиков и он медленно потянул их вниз, с удовольствием ощущая под своими руками усиливающуюся дрожь слабого женского тела.

Трусики, впиваясь резинкой в кожу, скользнули по разведенным бедрам и упали вниз, девушка осторожно переступила ногами, избавляясь от них, и это неожиданно понравилось мужчине.

- Умница, - шепнул он, поглаживая ее ягодицы, словно любуясь видом ее белоснежной извивающейся спины.

Он склонился над нею, подхватил ее под бедра, и она снова взвизгнула, стыдливо сжавшись, когда он с жаром, жадно поцеловал ее промежность, жестко прихватил губами тонкую кожу на бедрах и языком провел по раскрытому лону, вверх, и до самой сжавшейся дырочки ануса.

Несмотря на его грубость и бесцеремонность, несмотря на неудобную позу, его ласки возбудили девушку. Она сжималась в комочек, уткнувшись лицом в стол и постанывая, принимая его голодные поцелуи и чувствуя, как ее влага вытекает из ее распаленного лона, а мужчина жадно вылизывает ее, проникая языком в ее лоно, прихватывая губами ее набухшие губы, посасывая их и щекоча языком. Его пальцы снова легли на ее клитор и девушка оглушительно взвизгнула, ее тонкое тело вильнуло ничем не хуже змеино. Мужчина продолжал свою жесткую ласку, вылизывая языком и поглаживая пальцами спереди, девушка стонала в голос, извиваясь на столе, прикусывая губы. В какой-то миг она замерла, даже дышать перестала, мягкие спазмы удовольствия почти накрыли ее тело, но тут он, почувствовав приближение развязки, внезапно остановился, отпустил ее тело, и девушка без сил рухнула на стол, захлебываясь шумным дыханием. От разочарования она почти рыдала, ее бедра, хранящие розовые отпечатки его жестких пальцев, заметно дрожали.

- Руки, - внезапно резко потребовал он. Негромко брякнула пряжка ремня, и девушка вздрогнула и испуганно затихла, обострившимся слухом ловя каждый звук - шуршание ткани, шелест ремня, вынимаемого из брюк.

- Ну? - нетерпеливо произнес мужчина. Он не ударил, не причинил боли, не заставил подчиниться; он ждал, и это было знаком того, что сейчас, в этот момент, можно произнести стоп-слово и прекратить все. Пока она свободна; а потом будет вынужденная неподвижность и покорность. И кто знает, что придет ему в голову дальше - и подчинится ли он запрету, или это всего лишь иллюзия? Близкая опасность обожгла нервы, обострила все чувства до предела. Но первым условием был запрет всяких разговоров; нельзя было заговорить и договориться, увериться, что вреда причинено не будет. Можно было только довериться и подчиниться.

Девушка, судорожно глотая воздух, словно нехотя, покорно завела правую руку за спину. Этого было достаточно, чтоб мужчина понял - она выразила согласие. Вторую руку он перехватил сам, накинул на тонкие запястья петлю ремня, затянул. Жесткая кожа впиалась в нежные руки, девушка чуть двинула ладонями, привыкая к неудобству и стараясь чуть ослабить давление, но у нее не вышло. Казалось, ее беспомощность и незащищенность распалют его еще больше. Склонившись, он порывисто поцеловал ее неловко вывернутую ладонь - словно диковинный цветок, - со страстным вздохом стиснул ягодицы, исцеловывая их и прикусывая от нахлынувшей страсти соблазнительную округлость.

- Иди сюда...

Он подхватил ее, устраиваясь удобнее меж ее бедер.

Вжикнула молния, и девушка вновь уткнулась лицом в стол, заскулив испуганно и жалко.

Ее плач, ее сжавшееся тело снова остановили его, он, подрагивая от нетерпения и возбуждения, замер, хоть его пальцы уже вцепились в ее мокрую промежность.

- Нет? - спросил он настороженно, и девушка чуть качнула головой.

- Роза, - шепнула она. - Роза...

Горячая головка его напряженного члена ткнулась в ее промежность, он погладил девушку по припухшим мокрым губкам, скользая и чуть надавливая, словно подготавливая ее к предстоящему удовольствию - и внезапно вошел, нажав сильно, коварно, так, что она не смогла сдержать жаркого вздоха, принимая его член в свое узкое горячее лоно.

- О-о-о, - мужчина, вжавшись в мягкую попку девушки, проникнув в ее лоно на всю длину, застонал от удовольствия, тиская ее бедра жесткими пальцами и подрагивая. Первое проникновение, ее узкое - почти как у девственницы, - горячее тело доставили ему обжигающее, невероятное наслаждение, и он, двигаясь неспешно, почти осторожно, практически пол-

ностью вышел из тела девушки - и снова толкнулся глубоко, полно, на всю длину, пытаюсь повторить первое, самое сладкое, ощущение. И еще. И снова, тревожа набухшей головкой узкий тугой вход в лоно.

Девчонка на столе жарко задышала, раскрыв припухшие губы, прогнувшись в пояснице и как-то незаметно и ловко подставляя попку. Движения мужчины стали резче, он толкался в узкое лоно сильнее, мелкими сильными толчками в самой глубине, выбивая из губ девчонки нетерпеливые крики, заставляя ее подмахивать ему, двигаться навстречу, чтобы погасить разгорающееся пламя жадного желания в теле. Постанывая, девчонка послушно разводила ноги, но мужчине, которого ее покорность только сильнее распяляла, этого показалось мало. Его пальцы скользнули по ее влажному сжавшемуся анусу и девчонка завизжала, как кошка, с которой заживо спускают шкуру, когда его пальцы проникли в ее тугое узкое тело сзади.

От этого проникновения тело девчонки стало еще теснее, еще уже, она сжимала его член неимоверно плотно, тряслась и скулила от каждого толчка. Его пальцы двинулись, терзая ее тело сзади, и девчонка зашлась в рыданиях, суча связанными руками и крутя задом. Не в силах оторваться от тела, приносящего ему столько наслаждений, он вколачивался и вколачивался в горячую мягкость, пока первое возбуждение, оглушающее и ослепляющее, не прошло, и до сознания не дошли крики девушки. Он замер, переводя дух, его пальцы покинули ее анус, он почти отпрыгнул от ее тела. Перед глазами его дрожали схваченные ремнем кисти и вздрагивающая от рыданий спина девушки. Его рука, словно извиняясь, коснулась горячей кожи на ягодицы девчонки, и та взвизгнула, снова извиваясь как змея.

- Роза, - задыхаясь, шептала она, бессовестно разводя перед ним ноги и поднимая попку выше, словно пытаюсь отыскать его руку и заставить пальцы вернуться обратно в свое тело. - Роза!

Он нерешительно коснулся ее, погладил дырочку сзади, и девчонка шумно задышала, дрогнула, снова сжалась, привлекая его своей тугостью, своим возбуждением.

- Роза-а-а, - простонала она, выгибаясь, заходясь в разгоряченных столах, когда его пальцы снова проникли в нее - на сей раз осторожно, неспешно, но глубоко. - Да выдери же меня, наконец!..

Глава 2. Глеб

Олечку Лазареву он заметил сразу, как только она появилась в его царстве, в его конторе, заняв место секретаря у его помощника. У нее было удивительно чистое лицо, светлые-светлые, невероятно прозрачные голубые глаза и льняная коса, аккуратно приглаженная, волосинка к волосинке. Вся девушка была какая-то на удивление аккуратная, отглаженная, чистая, словно вся грязь мира не касалась ее никогда.

И пахло от нее необычайно хорошо. Чистотой и почти неуловимым ароматом зеленого чая.

Это он уловил, когда она принесла документы на подпись и склонилась к нему, выкладывая на его стол одну за другой папки с договорами, сметами и прочей деловой документацией. Она улыбнулась какой-то обезоруживающей, очень нежной улыбкой и уплыла, ушла почти бесшумно, стараясь не отвлекать босса от работы, хотя на ней были туфельки на высоких каблучках.

В офисе, где всегда полно девиц, красивых и не очень, благоухающих дорогим духами и дешевой цветочной туалетной водой, раскрашенных как женщина-вамп, индеец на тропу войны или со вкусом, девушка выделилась как-то сразу, хотя одета она была, как и все, согласно дресс-коду, в белую блузку и узкую черную юбку до середины колена.

Женщины, любящие демонстрировать свои формы, ненавидели его за этот навязанный им скучный и скромный вид. Правда, кое-кто ухитрялся и в черно-белой гамме выглядеть интересно - юбка покороче, разрез поглубже, так, чтоб были видны резинки чулок, декольте побольше...

Олечка всеми этими ухищрениями не пользовалась.

Ей невероятно шла ее бесхитростная скромность; она еще больше подчеркивала главное достоинство Олечки - чистоту, и на фоне этого расстегнутая по случаю жары крохотная пуговка прямо под воротом ее блузки и чуть разошедшиеся в стороны складки белой ткани, открывающие вид на грудь, были просто сексуальной бомбой массового поражения. Девушка наклонилась, в вырезе, в который он заглянул, лишь обозначилась волнующая округлость, а у него уже был такой стояк, что позавидовал бы солдат-срочник перед дембелем. Пришлось ближе придвинуться к столу, чтобы она не дай бог не заметила.

Черт, как же он хотел ее!.. Как хотел!..

Это желание - иррациональное, неуправляемое, почти по-животному дикое, напрочь сносило ему крышу. Неосознанно, как загипнотизированный, как повинующийся инстинктам зверь, он тайком следил за девушкой, смотрел, как она ходит, грациозно покачиваясь на тонких высоких каблучках, как она склоняется над столом коллеги, выставив аккуратную круглую попку, туго обтянутую черной юбочкой, и тогда под тканью легко угадывались швы трусиков...

Одного ее кроткого взгляда хватало, чтоб от желания его трясти начинало. Чтобы успокоиться, он курил, и сигарета прыгала в его дрожащих пальцах.

И, что самое смешное, девчонка с ним не кокетничала. Ну, то есть вообще.

Тому были веские причины: во-первых, разумеется, виделись они редко. И если он мог себе позволить встать со своего рабочего места и пройтись по офису, чтобы посмотреть, кто как работает, то у нее этой свободы не было. Только по делу. Или в обеденный перерыв - но тут их пути не пересекались. Олечка бегала в недорогой ресторанчик за углом, где ела какую-то некалорийную и здоровую пищу, а он заказывал себе стейк с кровью.

Во-вторых, Олечка была застенчива до ужаса. Когда ей говорили комплименты, притом весьма заслуженно, она багровела до корней волос и прятала смущенный взгляд. Она совершенно не умела флиртовать и все эти женские уловки, кокетство - это все было не про нее. Невероятная девочка.

И в-третьих, что самое главное, сотрудники его за глаза называли Чудовищем, и он это прозвище честно заслужил, надо отметить. Зверская муштра, почти армейская дисциплина, нещадные штрафы за опоздания и прочие мелкие провинности - это была только верхушка айсберга. Сколько раз подчиненные выскакивали в слезах из его кабинета, размазывая по лицу несмывающуюся тушь и суперстойкую помаду, сколько было увольнений и истерик - и не сосчитать. За княжеское имя - Глеб Игоревич, - сначала его называли Князем Тьмы, затем просто Сатаной, но эти прозвища еще несли в себе флер этакой романтичности. Новенькие сотрудницы таяли, когда видели своего шефа - зрелого, красивого, строгого, уверенного в себе и очень спокойного. Но после первой же выволочки словно пелена с глаз спадала, шутки кончались, становилось совершенно ясно, что шеф вряд ли оценит этот хорошо замаскированный подхалимаж. Озлобленные тетки по углам шипели о нем не иначе как о чудовище. О монстре! О мерзавце и самодуре, высокомерном самовольном индюке. О бессердечном циничном ублюдке - тоже, в ту же копилку. И это его вполне устраивало ровно до тех пор, пока в офисе не появилась Олечка...

Наслушавшись страшилок от коллег, она со своей застенчивостью и страхом перед начальством к нему и на пушечный выстрел не подошла бы добровольно. И это чертовски грустно.

Женским вниманием Глеб был не обижен, и даже наоборот - избалован сверх меры. На его презентабельную внешность, на выразительные серые глаза, породистые черты и смоляную шевелюру покупались многие. На его платежеспособность - еще больше, и он мог позволить себе выбрать женщину на ночь.

За плечами у него уже было два развода; первая жена его, с которой он познакомился еще в студенчестве, не вынесла его холодности, не стала бороться за брак и была оставлена Глебом ради второй, невероятной красоты женщины, такой, при взгляде на которую большинство мужчин столбенело и теряло дар речи. Женщина-вамп. Роскошная и дорогая. Статусная вещь, дорогая игрушка. Неплохая любовница, что уж там.

Но трепета в отношениях между новоиспеченными супругами не было. Страсть, сумасшествие, дорогие подарки и безумства, но не любовь, нет.

Глеб, как и все, просто остолбенел и потерял речи, а роскошная хищница, покачивая стройными бедрами, ухватив его за галстук, просто отвела в ЗАГС, пока он не мог сопротивляться.

Когда туман немного рассеялся и страсти поутихли, Глеб понял, что не может жить с этой женщиной. Красивой, дорогой, капризной, величественной, изысканной, но... Хотелось чего-то другого; чего-то теплого и живого, а вампиры, как всем известно, изначально мертвы.

За это его высказывание - циничное, да, зато откровенное, и в глаза, а не за спиной, - она долго кричала, плакала и обзывала его всякими нехорошими словами, выказав довольно горячий для вампира темперамент, но Глеб остался непреклонен. Глядя, как плачет некогда обожаемая женщина, он с удивлением понял, что в его душе ничего не шевельнется, не дрогнет. Правда, большие отступные, загородный дом и дорогая машина помогли ей поскорее утешиться.

Потом были любовницы, одна, вторая, третья. Красивые и не очень, умные и не совсем нет. На данный момент это место занимала очередная роковая женщина, достаточно статусная, чтобы с ней не стыдно было появиться на людях, достаточно умная, чтобы не досаждал Глебу вопросами «зая, а когда мы поженимся?», и достаточно уверенная и независимая, чтобы сказать ему «нет», если свидание не входило в ее планы. Идеальный вариант.

И вдруг - Олечка.

Вчерашняя студентка, которую вряд ли можно назвать искусной любовницей в силу того, что этого нежного чистого существа вряд ли было много любовников.

Секретарь, чья зарплата позволяет ей оплатить самый скромный маникюр, дорогие духи и проезд в такси, если вдруг пришлось задержаться на работе допоздна.

Одному черту известно, чего такого он капнул в кровь этому чистому ангелу, при взгляде на которого Глеб начинал поскуливать, как охотничья собака, учуявшая дичь.

Как же ему хотелось попробовать это светлое невинное существо, как хотелось!

На юбилее фирмы Олечка выступила с нехитрым номером, спела какую-то песню под гитару. Как она играла и что пела - Глеб не слышал. Словно замороженный, он смотрел на ее точеные ножки, на округлое колено, выглянувшее из-под подола офисной юбки, когда Олечка закинула ногу на ногу. Не отрываясь смотре, как ее тонкие пальчики аккуратно и ладно перебирают струны, как скользит по плечу льняная коса, как девушка склоняется над инструментом, и в ее глазах отражается задумчивая нежность.

А потом он услышал ее голос. Серебристый и чистый, как она вся. И понял, что пропал. Без вариантов.

Как же ее хотелось...

Растрепать ее приглаженные светлые волосы, распустить аккуратно перевитую косу, нацеловать губки, чтоб горели, распотрошить, вытащить из унылой униформы, истискать, облапать все нежное тело, зарыться лицом в мягкую грудь, услышать ее голос, когда ей хорошо, и задушит его, вылизать все стоны, что родятся в ее груди, когда он будет овладевать ею раз за разом!..

Даже от самых невинных мыслей его пот прошибал, и Глеб начинал нетерпеливо возиться в кресле, отирая пот с висков, потому что терпеть спокойно эту муку не мог.

Глава 3. Олечка

Олечку в офис приволок Вадим Алексеевич, зам Глеба и его верный соратник. Веселящийся тридцатипятилетний холостяк, душа компании, в отличие от своего босса он был человеком очень легким в общении и даже в чем-то легкомысленным. Все вопросы он решал играючи, ко всему подходил с улыбкой, и все сырые и убогие (точнее, растерзанные кровожадным чудовищем «на ковре») шли плакаться к нему.

Когда старая секретарь Вадима торжественно отправилась в отпуск, закатили целый небольшой праздник всем отделом. Марь Пална, грузная дама в жутких янтарных бусиках, плакала от умиления и сморкалась громче, чем трубил уходящий из порта «Титаник». Вадим Алексеевич долго перед ней расшаркивался, произносил тосты и говорил, что теперь вся работа встанет, как мы тут все без вас.

Но уже на следующее утро на месте Марь Палны сидела Олечка, перебирая бумажки, притом выглядела она и вела себя так, будто сидела тут давно, и знала всю подноготную фирмы очень хорошо.

Вадим Алексеевич, предвидя желание своего секретаря поокучивать клубнику, повязать носки и понянчит внуков, заранее позаботился о подборе кадров, и Олечку, судя по всему, давно вводил в курс дела и натаскивал ее на должность, чтобы она «села как влитая».

Это была еще одна фишка Вадима: он очень любил сравнивать коллектив с хорошо отлаженным механизмом, и очень любил, когда «детальки» подходят друг к другу.

Олечка устраивала Вадима во всем.

- Если существуют ангелы труда, - говорил он, - то я поймал одного из них.

Олечка не встречалась с маргиналами, от которых потом образовывались проблемы, нежелательные беременности, бессонные ночи и беспричинные истерики на рабочем месте.

Олечка не курила и не уходила в запой, Олечку не просили болящие родственники посидеть с ними и с их сопливыми чадами. Олечка не просыпала, не прогуливала и дела вела блестяще. Вадим Алексеевич довольно шурился, справедливо полагая, что Олечка его - отполированная деталька из чистого золота, та самая нужная закорюка из «Тетриса», которую долго ждешь, а потом срываешь банк. Олечка была идеалом. Да она даже не сплетничала и не разносила слухи по офису. Что может быть лучше?!

Поэтому однажды застав ее рыдающей в своем кабинете, Вадим просто дара речи лишился.

Олечка рыдала, обессиленно притулившись на стуле для посетителей, перебирая дрожащими ручонками документацию, слезы капали на блестящую полированную столешню, на документы, и у Вадима от этой горестной картины просто глаза на лоб полезли.

- Это что такое?! - настороженно воскликнул он, поспешно расстегивая пальто, хотя ровно пять минут назад он его застегнул чтобы пойти домой. В коридоре вспомнил, что в нижнем ящике стола позабыл бутылку дареного коньяка, цокнул языком - возвращаться плохая примета! - но вечером хотелось расслабиться, и он махнул на приметы рукой.

Оказалось, зря.

- Что, что, что? - кудахтал он над Олечкой, наливая в стакан воды и отирая ее зареванное личико подвернувшейся неизвестно откуда влажной салфеткой. Ах, да их на столе пачка целая валяется, и целая гора скомканных, использованных. - Быстро успокаивайся и расскажи мне, что произошло?! Хатико не дождался? Бемби подстрелили охотники? В чем причина слез, чего ревом?!

Олечка упрямо тряхнула головой - и снова взревела белугой.

- С работой что-то?

Олечка, всхлипывая, снова отрицательно мотнула зареванной мордашкой.

- Обидел кто-то?

Снова нет.

- Глеб Игоревич хвоста накрутил?

Вопрос был из области невероятного. Даже у Сатаны не было претензий к этому чистому ангелу, и Вадим ляпнул наобум, лишь бы отвлечь плачущую Олечку от истинной причины ее расстройства, но она внезапно разревелась еще горше, закрыла лицо узкими ладошками, и отрицательно затрясла головой.

- Нет?! - переспросил потрясенный Вадим, хотя, судя по реакции, было понятно, что причина рева все же в боссе. - Что такое?..

Словно по наитию, Вадим шагнул к окну, раздвинул планки жалюзи, выглянул на улицу.

Там, на парковке, Глеб усаживал в автомобиль свою любовницу, красотку Мару. Притом все это действие здорово напоминало суестьящегося пажа и его томную, неспешную королеву. Глеб аккуратно устроил подругу на заднем сидении, подобрал полы ее роскошного платья и пальто и закрыл дверцу с преувеличенной аккуратностью.

- Да ну нахер, - произнес офигевший от внезапного откровения Вадим и посмотрел на Олечку уже не как на ангела, а как на безумную, непонятно какими путями вырвавшуюся из сумасшедшего дома и обманом устроившуюся на фирму. - Олечка, да он же!..

И на этом все цензурные слова у Вадима кончились, он обернулся ко всхлипывающей девушке, придвинул у ней еще один стул и уселся рядом с ней сам. Сама мысль о том, что у чистого ангела Олечки могут быть мысли сексуального порядка по отношению к Чудовищу, выбила Вадима из колеи. Черт подери, дети не трахаются!.. Они даже не думают об этом! Но слезы Олечки говорили об обратном. Думают; трахаются; страдают от неразделенной любви.

- И как давно?.. - кратко поинтересовался он, извлекая из ящика стола вожаделенную бутылку и штопор. Олечка неопределенно пожала плечами, наблюдая, как Вадим мастерски извлекает пробку, наливает янтарной жидкости в крохотную рюмочку. - Значит, сразу и навсегда, как я понимаю?

Он придвинул рюмочку Олечке, и та протестующе захныкала, замахала ручками, но Вадим настойчиво велел:

- Тридцать капель, чтоб успокоиться и все рассказать. Пей! Залпом! Ну?

От выпитого коньяка Олечка задохнулась и тут же окосела. Вадим, убрав коньяк, глянул в ее раскрасневшееся лицо, чуть подался вперед и с нажимом произнес:

- Ну-у-у?

А рассказывать, в общем-то, было и нечего.

Олечка втюрилась в босса сразу, как только его увидела. Грезит ими днями и ночами, но о своей любви помалкивает, ибо субординация (люди чего не того подумают, да, стыдно), и Мара.

При упоминании имени Мары Олечка снова раскисла и попыталась зареветь, но коньяк не дал ей этого сделать. Видимо, алкоголь качественно притупил боль.

- Олечка, - снисходительно произнес Вадим Алексеевич, по-отцовски подтирая ей покрасневший нос, - но он же Чудовище. Он же Сатана.

- Зато краси-ивый, - нетрезво и печально вздохнула Олечка, и Вадим, мотая головой, в который раз поразился, какие женщины все глупышки - даже самые умные из них.

- Сатане и полагается быть краси-ивым, - передразнил Олечку Вадим. - Но ничего хорошего в нем нет. Поверь мне. Таких, как ты, у него было, есть и будет пачками. С Марой, без Мары. Миллион.

- Я знаю, - горько ответила Олечка.

- Да он же старше тебя лет на пятнадцать, - горячась, воскликнул Вадим. - Тебе не на старичков поглядывать надо, а с парнями молодыми встречаться!

- Тридцать шесть, - сердито отчеканила Олечка, обиженно сверкая заплаканными глазами, - не старик!

- Олечка, - жалостливо произнёс Вадим, - ну, хорошая. Ну, милая. Забудь. Все хорошо будет - только без него.

- Не будет, - обреченно всхлипнула Олечка. - Вот... подпишите.

Вадим оторопело глянул в заплаканную бумажку, которую ему протягивала Олечка. Многократно политое слезами, это было заявление об уходе. Этого еще не хватало!

- Ты как ребенок! - воскликнул Вадим, сминая бумагу и отправляя ее в мусорную корзину. - Ну, что выдумала-то?! Что за детские выходки? Папа, мне нужна вот та игрушка, дай?! А то я буду лежать на полу и дрыгать ногами!? Так, выходит?! Работу надо работать, а не забивать голову всякой ерундой романтической! И что, на новом месте влюбишься в босса и тоже уйдешь?!

- Я не могу видеть его с другой женщиной, - глотая слезы, проговорила Олечка. Вид при этом у нее был самый что ни на есть страдальческий и строгий, и Вадим насмешливо зафыркал:

- И дальше не сможешь! А этих других женщин у него... Даже если вдруг ты будешь с ним... даже если вдруг... у него будут женщины, поверь мне. И на них смотреть ты не сможешь.

- Какое право вы имеете его оскорблять?! - неожиданно вспылила Олечка. - Он хороший! Он не такой! Он не подлец!

- Святая простота! Пора взрослеть, Олечка!

Он подскочил с места и заметался по кабинету под суровое упрямое сопение Олечки. Ее поведение ломало всю отлаженную работу его любимого механизма, самая ценная - золотая, - деталька оказалась слишком мягкой и помялась, пришла в негодность. А никого другого на примете у Вадима не было. И времени готовить новые кадры не было тоже.

- А трахнет он тебя, - продолжал развивать свою мысль Вадим, - обрюхатит, оставит с ребенком - вообще страну покинешь? Или как?

- Не трахнет, - упрямо ответила Олечка.

- Ну, это понятно, ангелы не трахаются, - язвительно заметил Вадим. - Только после свадьбы. В розовых облаках мечты.

Олечка злобно посмотрела на шефа и тот выставил вперед ладони, словно защищаясь от возможного нападения.

- Да-да, хорошо-хорошо, я верю, что ты взрослая и умная, самостоятельная женщина, - проговорил он, тщательно скрывая язвительность, то и дело проскальзывающую в голосе. - Прожженная прям. Жизнь повидавшая. Но ведешь себя как ребенок! Ну раз так, - у Вадима язык не поворачивался произнести это нелепое слово - «влюбилась», - раз получилось так, то иди, и признайся ему как взрослый человек! Что хныкать-то как девочка в углу с афишей певца?

- Я не могу, - гордо и сурово произнесла Олечка, потупив стыдливо взор. - У него Мара... это будет подло по отношению к другой женщине. Как будто я его отбила... встала между ними... я так не могу. И не буду. Подписывайте заявление.

- Детский сад какой-то! - взорвался Вадим, нервно меряя кабинет шагами. - Мара, Дара, Зара, Лара... да у него этих Мар может быть четыре штуки в одно время. Какое отбила?! Ну Олечка... Ну зачем...

Но Олечка оставалась непреклонна.

- Подписывайте, - шмыгнула носом она и уставилась в угол кабинета.

- Ах так, - зло произнес Вадим, останавливаясь. - Значит, нечестно по отношению к другой женщине. А если он сам подойдет к тебе с целью потрахать - согласишься? Уймешь свои розовые сопля пузырьками?

- Как это?! - наивно захлопала ресницами Олечка.

- Да вот так, - пожал плечами Вадим. - Через недельку у Глеба день рождения. Они нынче с Марой отмечать же поехали, Мара через пару дней на курорт укатит. А мы гулять всей конторой будем, через неделю-то. Вот там я вас и сведу; и накинется он на тебя с диким криком и с нехорошим намерением, и ты ему скажешь о своих светлых чувствах... И увидишь ты, как он улепетывает, даже штаны не успев надеть. Поря взрослеть, Олечка. Это не для тебя человек. Ну, не для тебя. Не по Сеньке шапку ломишь. И извини, но другого способа это тебе показать я не знаю.

Неделю Вадим ходил кругами за Глебом. Чесал макушку, потирал нос, снимал очки и протирал стекла. И размышлял, на какой бы козе подъехать к боссу с вопросом об Олечке. Опротетчиво данное обещание теперь жгло ему язык, Олечка, распечатывая документы, молчала, но при этом бросала такие тоскливые взгляды, полные надежды, что сердце кровью обливалось.

Где-то к середине недели стал ясно, что босс сам ходит кругами, и за кем! За той самой Олечкой, с изумлением понял Вадим, наблюдая, как после краткой встречи с девушкой Глеб отправляется в курилку и выкуривает подряд три сигареты. Однако...

И взгляд у него, когда он смотрел на Олечку, был такой... Вадим за долгие годы знакомства с Глебом хорошо изучил этот полный жадного желания взгляд. Так смотрит хищник, выбравший себе жертву, за минуту до прыжка. Остро, цепко, ненасытно. Одно только не клеилось: смотреть-то Глеб смотрел, алчно, одержимо, но вот отчего-то не прыгал, держался от Олечки в сторонке. И это было как минимум странно.

Обычно Глеб не отказывал себе в удовольствии подкатить к заинтересовавшей его девице. Нравиться женщинам он умел - рассыпая выверенные комплименты, обаятельно улыбаясь. Его негромким, спокойным, каким-то бархатным голосом это удавалось говорить особенно эффектно. Его обаяние обволакивало жертву, как паутина доверчивую бабочку, и та очень скоро прекращала сопротивление. А тут - ничего. Глеб таращился на Олечку из-за углов, исподтишка, тайно, но близко не подходил.

- Гребаный Экибастуз, - заметил Вадим. - Еще один актер погорелого театра... Ну, с тобой-то что не так? Целибат? Импотенция? Ампутация?

Гадать Вадим не привык; поэтому он спросил в лоб, в очередной раз подловив Глеба на том, что он любит Олечку. Бесцеремонно плюхнувшись на его стол, едва не своротив на пол кипу бумаг, он уставился в лицо босса веселыми бесстыжими глазами и произнес:

- Олька, что ли, нравится? Да? Да?Да!?

На его бесхитростном лице играла такая искренняя улыбка, исключаяющая всяческую возможность какого-либо подвоха, что Глеб, задумавшись ненадолго, признаваться или нет, наконец расслабил напряженные плечи, свободно откинулся на спинку кресла и, выдохнув с облегчением, словно сбросив тяжкий груз, нехотя ответил:

- Ну... так.

- Так?! - переспросил Вадим. - Так?! - уточнил он, словно не веря своим ушам. - Да ты за ней целый день ходишь как голодный бродяга за тарелкой супа. И даже не пытаешься заговорить. В чем дело, бро?!

- А что я могу ей дать? - внезапно произнес Глеб.

- Пф-ф-ф, - Вадим чувствовал себя воздушным шаром, в который ткнули иглой, и теперь из него со свистом утекает воздух. - Что значит - «что я ей могу дать»?! Да все! И почему сразу давать?! То есть... постой... ты что, серьезно!?

Глеб выудил из пачки очередную сигарету и прикурил прямо в кабинете, пуская струю душистого дыма в потолок.

- Таким девушкам, как Олечка, - веско произнес Глеб после весьма продолжительной паузы, - нужно все. Семья; муж; дети. Стабильность.

- А ты?.. - подбодрил его Вадим, с неудовольствием отмечая, что из шефа каждое слово приходится вытягивать клещами.

- А я не готов предложить ей все это, - язвительно ответил Глеб, глянув в открытое лицо друга. - Какой, к чертям, из меня муж. Так, повстречаться, - глаза Глеба ярко вспыхнули, от долго сдерживаемой страсти у него дрогнули губы, и он отвернулся на миг от Вадима, чтобы то не заметил его иступленной жажды. - Потерлись бы животами. Этого я хочу от нее, понимаешь? Нахлобучить ее пару-тройку раз до визга. Чтоб ходила неровно. Чтоб сидеть неделю не могла. А семья... это не для меня.

- То есть, сдерживать свои скотские порывы ты не готов, - подытожил Вадим. - Даже ради такого ангела, как Олечка.

- Не-а, - ответил Глеб.

- О-о, ваше благородие, - протянул Вадим, поправив на носу очки и внимательнее глянув в непроницаемое лицо друга. - Да ты скотина. Человек без сердца. Повстречаться... пошоркаться... с Олечкой!

- Да, - легко подтвердил Глеб. - Потому и... не встречаюсь. Незачем это.

«Та-ак, - подумал Вадим, почесывая макушку всей пятерней. - Однако, выполнить обещание будет куда сложнее, чем я думал...»

Самое забавное заключалось в том, что эти двое, кажется, искренне нравились друг другу. Олечка с ее трагичным, молчаливым, почти детским восторженным обожанием, Глеб - с его упрямым отказом от ангелоподобной девушки; за нее решил, что ей надо, и заранее отказался ей это предоставить...

«Два махровейших, инфантильных эгоиста, которых надо бы публично выдрать за идиотизм на площади, - с некоторым раздражением подумал Вадим. - Так, вот ничуть не жаль этих дураков. Ничуть. Они друг друга достойны. И она заработала хорошую трепку, и ему надо развеять розовый туман-то...»

- А что, кстати, за ресторан ты выбрал на празднование? - как бы невзначай спросил Вадим.

План его был прост, как выеденное яйцо, и одновременно хитер как все, что задумывал Вадим.

Место для празднования выбрал он сам, уверив Глеба, что круче места не найти, и таинственно намекая на какой-то особый подарок. И это отчасти было правдой.

Первой на празднике он выцепил Олечку.

Она, весь вечер не сводя влюбленных страдающих глаз с шефа, с горя выпила пару бокалов и была готова на все - даже стать тореро на корриде. Поэтому когда Вадим подхватил ее под локоток и вроде как пригласил на танец под ненавидящим взглядом Глеба, она даже не особо сопротивлялась.

- Сейчас, - тихо проговорил Вадим на ухо девушке, неуклюже покачиваясь с ней в танце меж таких же пар, медленно топчущихся вокруг них под романтическую музыку, - ты пойдешь вроде как припудрить носик...

- Зачем? - изумилась Олечка, и Вадим крепко, почти до боли, сжал ее руку и привлек к себе.

- Затем! - прошипел он. - Ты просила тебя с Глебом свести - вот, я выполняю свое обещание, - Олечка вскрикнула, и Вадим крепче ее к себе прижал, так, что она вздохнуть не могла.

- Если не передумала, - продолжил он, когда Олечка перестала трепыхаться и затихла, - то справа по коридору будет такая дверь... постучишь туда три раза. Потом еще раз. Тук-тук-тук. Тук. Вот так, поняла? Скажешь одно только слово - «роза». И скажешь, что твоя комната двадцать пятая.

- Что за шпионские игры? - произнесла опешившая девушка, с тревогой глянув в лицо шефа. - Зачем это?!

- Так надо, - ответил он. - Так тебе предоставят комнату для свиданий...

От этих слов лицо девушки вспыхнуло багровым румянцем от стыда.

- Как проститутке!? - почти вскрикнула она, и Вадим резко повернул ее спиной к Глебу, наблюдающему за танцующими.

- Как приличной женщине, - зло зашипел Вадим девушке на ухо. - Очень приличной, состоятельной, независимой, умной и красивой, но любящей игры... погорячее. Это закрытый БДСМ-клуб.

- Что?! - снова вскрикнула Олечка, с ужасом воззрившись на Вадима. Тот сделал круглые невинные глаза.

- А что, что, что?! - паясничая, закудахтал он. - Чем я еще мог заманить Глеба Игоревича, а? Да не бойся ты так, ему будут объяснены правила, он и пальцем к тебе не притронется, если ты скажешь ему нет - «лилия». Сядешь себе спокойненько на табуреточку, наденешь масочку, закроешь глазки... Когда он придет, заговорит с тобой, просто маску снимаешь и переведешь разговор в то русло, в которое тебе нужно.

- А в какое мне нужно? - потрясенная, пролепетала Олечка. Вадим поморщился:

- Ну, черт, девочка! Мы же говорили об этом. Он трахнуть тебя придет. Трахнуть. Трахнуть! Он-то будет уверен, что ты его не видишь. Не узнаешь. Вот тут ты и...

- А если не сниму маску? - произнесла внезапно Олечка, и Вадим поперхнулся и закашлялся, сгорбился, сбился с общего ритма, в котором покачивались все пары в зале.

- Тогда он выдерет тебя, - пробубльнул он, кое-как справившись с перехватившим его горло спазмом. - В полной уверенности, что ты не знаешь, кто твой партнер.

- Пусть дерет, - отважно ответила Олечка, вздернув голову.

- С ума сошла!? Это БДСМ-клуб! Жестко выдрать может... и это может тебе совсем не понравиться!

- Ну и что!?

- А! - Вадима махнул рукой. - Поступай, как знаешь. Но я предупредил. Лилия - и он тебя не тронет. Клубу не нужны неприятности. С этим тут строго.

«Интересно, - подумал он, когда ручка Олечки выскользнула из его ладони и девушка поспешно побежала туда, в коридор, словно в таинственной двадцать пятой комнате ее ожидало счастье. - Снимет она маску или нет?...»

Администратору клуба пришлось заплатить немалую сумму, чтобы он пустил незнакомую девчонку в кабинет. Вадим, морщась, отсчитывал купюры; за то, что девочка «чистая», он поручился головой - и собственной репутацией.

- У нас серьезные клиенты, - медовеньким голоском пропел администратор, ловкой рукой пряча пачку купюр в кармане. - Если что, они и наказать могут!

Как наказать - он смолчал, Вадим сам должен был прикинуть, что ему пойдет больше, пуля во лбу или перо в ребрах.

Вадим нерешительно потербил нос, раздумывая. Все еще не поздно отменить.

- Нет, - произнес он, наконец, приняв решение. - Девочка чистая, клянусь. К тому же, она на раз. Как подарок моему другу на день рождения.

- Поня-ятно, - протянул администратор. Его масляные хитрые глазки смотрели отчасти издевательски. - А отчего у нас?

- У вас большой выбор инструментов, - в тон ему произнес Вадим, так же сладко, что даже до тошноты. - Хотелось бы удивить его, чтоб этот подарок запомнился ему надолго.

- Оке-ей, - пропел администратор, привычным жестом вытаскивая карточку. - Что писать юбиляру?

- Пишите, - Вадим на миг задумался. - «Прекрасная незнакомка предлагает джентльмену интересно провести вечер в комнате номер двадцать пять».

- И все? - насмешливо поинтересовался администратор, изображая на своем подвижном лице вежливое удивление. Вадим в очередной раз поморщился, ощущая себя гадко. Словно это он приглашает Глеба, вот черт...

- Ну, добавьте от себя еще красотостей, - раздраженно буркнул Вадим, и администратор, взмахнув гладенькой челкой, что-то утвердительно промычал, строча витиеватости в приглашении.

Немного визуализаций от Александры Дворжецкой!

Олечка

Глеб

Вадим

Дорогие читатели, держимся последние деньки, скоро я на свободу с чистой совестью)))

А пока очень хотелось бы увидеть вашу поддержку в виде лайков и комментариев))

Приятного прочтения, и хорошо, что вы со мной!

Глава 4. Сессия

Четыре раза.

Четыре, мать их, раза, за один вечер, без стимуляторов и смс, черт их всех дери!

Он не мог насытиться Олечкой, ее свежестью, ее чайным острым запахом, ее нежным податливым телом. Он трахал ее на столе - черт, этот клуб умеет читать мысли?! - так, как хотел уже давно сделать на работе. В своем кабинете. Завалить на свой стол, сдернуть чулки, порвать трусики и оттрахать. Натискать горячие груди, нацеловать, насосать розовые соски до красноты, и как следует вставить в узкую мокрую киску, тесную до такой степени, что можно кончить в пару движений, едва сдерживая стоны наслаждения, от одного вида, как его член погружается в разгоряченное юное тело меж разведенных в разные стороны стройных девичьих бедер.

Олечка заходила в столах, извиваясь под ним, стискивая его бока коленями. И чем жестче, чем яростнее он ее драл, чем резче были его толчки в ее податливое тугое тело, тем громче она кричала, изнемогая и дрожа. И плача - стоило подкраситься оргазму, стоило Глебу ощутить, как она внезапно замирает на миг перед тем, как ее горячее нутро отзовется частыми и быстрыми спазмами оргазма, как из глаз ее начинали литься слезы. Они текли по разгоряченным красным щекам из-под повязки, и в этот момент Глебу казалось, что девчонка вопит от боли.

- Господи боже, - шептал он, прижимаясь мокрым лбом к ее часто вздымающейся горячей груди, поймав губами сосок - да невозможно оторваться от нее, такая сладкая, такая соблазнительная и желанная, что мозг воспламеняется и требует «возьми, возьми!», - ты нереальная, нереальная... почему плачешь?

Разговоры были запрещены, но Олечка, горячая, разомлевшая, расслабленная после полученного удовольствия, под ним вся содрогалась от рыданий, жалобно всхлипывала.

- Тебе неприятно? - спросил Глеб, приподнимаясь и поглаживая ее подрагивающий живот. - Больно?

Она замотала головой, торопливо отирая с пылающих щек слезы.

- Мне хорошо, - шепнула она.

- Так почему?..

Губы девушки снова дрогнули, и она застенчиво, даже стыдливо, произнесла:

- Я просто никогда раньше... ну, вы понимаете... никогда вообще...

- Не кончала?! - изумился Глеб, поглаживая ее нежное бедро. Она судорожно вздохнула, кивнула головой и стыдливо сжала ноги. - Вообще никогда? Де-евочка ты моя...

«А ведь она не знает, кто с ней, - мелькнула у Глеба мысль, яркая как комета и крамольная, как восстание стрельцов. - Понятия не имеет... И сюда ходит наверняка чтоб получить от секса удовлетворение... острых ощущений... но ведь можно ж без них обойтись».

Внезапно Глеб поймал себя на том, что вел себя реально как чудовище. В своем стиле, поддерживая созданный в конторе имидж. Грубо лапал, трахал, драл как хотел, не особо интересуясь желаниями партнерши, был занят только своими ощущениями... и делал это нарочито жестоко, словно девчонка видела, знала своего партнера. Так, словно уже завтра в офисе она в темном уголочке может рассказать подружкам, что шеф ее отжарил так, что и подтираться страшно.

А ведь она не знает.

И никому ничего не расскажет.

А если и расскажет, то о ком?.. О незнакомце, которого подцепила в клубе?..

Ее кожа была нежная и мягкая, удивительно гладкая под пальцами, которыми он провел от вздрагивающего от рыданий горла девушки до ее мягкого животика.

- Ну, не плачь, - шепнул он. Он гладил ее тело, ласкал его ладонями, словно очнувшись от безумия, в котором терзал и мучил это нежное хрупкое создание.

Эта запоздалая ласка, трогательная нежность заставили девчонку совсем раскиснуть; она неловко перевернулась на бочок, пряча горящее лицо, и Глеб ощутил, что снова хочет ее - маленькую, беззащитную, стыдливую, даже после всего того, что здесь только что было, удивительно чистую и трогательную. Поддаваясь внезапному порыву, он приподнял к себе ее зарыванное личико и провел пальцем по горячим, вспухшим губам, словно заново начиная игру. Сейчас, немного утолив свой голод, он хотел бы начать все заново, по-другому.

«Она ведь не знает, кто я...»

Ее горячие губы раскрылись так нежно, так чувственно, и она поцеловала его палец вновь, как тогда, в первый раз - мягко, невыносимо мягко и сладко, чуть прихватив его губами и чуть коснувшись языком, так, словно это прикосновение доставляло ей ни с чем несравнимое удовольствие, ласкало чувствительную глянцевою поверхность губ, влажного языка.

От этой немудреной ласки у Глеба в голове зашумело, он едва не задохнулся от прилившего возбуждения, глядя, как ее язычок осторожно касается его кожи еще и еще... и ее губы, такие горячие, такие близкие, такие сочные и яркие...

Глеб не любил целовать женщин.

Поцелуи - даже самые изощренные, - выходили каким-то сухими и жестким, и он не чувствовал ничего, не удовольствия, не возбуждения.

Теперь же ему вдруг невыносимо захотелось попробовать эту чуть припухшую розовую влажную мягкость. Он склонился над девушкой, чуть помедлил - ее горячее дыхание обжигало его щеку, - и коснулся ее губ, неуверенно и осторожно, почти робко.

Ничего слаще не пробовал.

От чистого вкуса этой девушки поцелуй вышел крышесносящим, настолько вкусным, что Глебу показалось - он вкусил сочный плод. Прихватив нижнюю губку девушки своими губами, он осторожно провел по ней языком, удивляясь, какая женщина может быть сладкая. Ласкал ее рот - и чувствовал, как кровь у него закипает от немудрёной ласки, которая в совершенстве была освоена классе в девятом, да там же и позабыта, отодвинута куда-то на периферию желаний, чувств и наслаждений.

Девушка ответила ему; осторожно обняв ладонями его лицо, она пила его дыхание, ласкала его губы своим мягким язычком, и от этих прикосновений он зверел и едва не рычал, прижимаясь к ее телу все плотнее, словно желая в него вжаться, проникнуть в ее кровь и поделиться на двоих жгучее, безумное желание, которое дарили эти неожиданные поцелуи.

- Ум-м-м, сладкая какая! - Глеб даже рассмеялся хрипло, чтобы скрыть свое смущение. Ротик Олечки возбудил его, пожалуй, сильнее, чем все, что происходило до сих пор, член встал - сильно, почти до боли от переполняющей его крови, - и Глеб со стыдом понял, что его трясет совсем как мальчишку, который дорвался до секса в первый раз. - Сладкая...

Он снова поцеловал девушку, уже смело, жадно, поглаживая ее губы своим языком и позволяя ей приникнуть в его рот своим. Черт, это было внезапно и так чувствительно, что он едва не застонал и напрягся, переживая всплеск возбуждения, от которого едва не кончил на животик Ольге.

«Ну, этого еще не хватало, - думал он, - опарафиниться как сопляку!»

Однако никакие доводы разума не помогали; от поцелуев горели губы, и Глеб постанывал, растворяясь в блаженстве, запустив руки в растрепанные волосы девушки и целуя, целуя, целуя, задыхаясь от нахлынувшей нежности, давно позабытой где-то на границе юности.

Эту девушку, которая казалась ему недостижимой, и которая была такой желанной, теперь хотелось обласкать. Все равно, что она не знает, кто он - все равно! После всего, что только что здесь произошло, Глеб вдруг захотел подарить ей всю нежность, которая лежала где-то в глу-

бине его души, нерастрченная, никому не нужная. Хотелось загладить свою вину - подспудно Глеб испытывал странный стыд от того, как вел себя с этой девочкой, дорвавшись до ее тела.

Ему больше не хотелось ее криков и животной откровенной возни; их он получил предостаточно. Хотелось трепета - с удивлением Глеб вспомнил о своем странном, ему самому непонятном желании ощутить трепет и волнение, какие испытывают влюбленные по отношению друг к другу. Секс, но больше чем секс; доверительная ласка и желание насытиться удовольствием партнерши, услышать, как ей станет хорошо оттого, что она с ним... именно с ним...

Хотелось отведать ее сладкой истомы, ее неги, увидеть, как она улыбнется после, облизнет пересохшие губы, все еще обнимая дрожащими руками его плечи. Хотелось, чтобы после она привлекла его к себе и поцеловала - так же страстно, как и до, благодаря за то, что они были вместе, и за то, что это «вместе» удалось и принесло удовлетворение.

Тайком, как вор, как задумавший дурное негодяй, чтобы никто не знал и даже не догадывался, что он, Сатана, Чудовище, способен на такое, хотел нежно ласкать женщину, не притворяясь бесчувственным куском дерьма, чтобы хоть на краткий миг, хоть самому себе показать, доказать, признаться - я не чудовище...

«Ну, как любовью-то заниматься, я еще помню, - мелькнуло в голове у Глеба, когда он опустился на тело девушки, устраиваясь меж ее послушно разведенных ног. Внезапно его охватил азарт, он едва не засмеялся, подумав, что Олечка даже рассказать не сможет, как Чудовище ласкал ее - с трепетом и осторожностью. - Тебе будет хорошо, обещаю...»

Горячая головка его члена прикоснулась к ее бедру, скользнула виз и надела на раскрытые набухшие губки, отыскивая вход в узкое мокрое лоно. От поцелуев девушка потекла, запах ее возбуждения кружил Глебу голову, и казалось, этим пряным ароматом была напитана каждая частичка вдыхаемого им кислорода. Первое проникновение было неожиданно чувствительным, настолько, что Глеб не сдержался - застонал, как мальчишка, чувствуя, как ее тугая плоть обхватывает головку его члена, налитую кровью до каменной твердости, сжимает ее, и наслаждение, перемешиваясь с болью, переходит грань со страданием, но от этого не перестает быть ослепительно прекрасным.

Он вошел в тело девушки медленно, глубоко, вжался в ее раскрытые бедра, навис над ней, горячо дыша в ее сладкие губы, и снова поцеловал их - чтобы скрыть очередной свой стон, проявление своей слабости, которого он стыдился.

От неожиданно возникшей доверительной близости, от доверчивой податливости Олечки, целующей его с не меньшим пылом, Глебу показалось, что он сходит с ума, падает в пропасть. Гибко и плавно двигаясь над ее телом, прижимаясь животом к ее нежному животику, лаская ее кожу своей, Глеб закрывал глаза, чтоб забыть хоть на миг, что на ее глазах надета повязка. И весь пыл, с каким она ему отвечала, все нетерпение и ненасытная жадность, с которыми она прикидала к нему, казались ему заслуженными. Как он хотел, чтобы эти страсть и желание были адресованы именно ему! Чтобы девчонка, постанывающая от осторожных проникновений в ее тело, хотела именно его - не анонимного любовника, с которым, быть может, никогда не увидится, а его, Глеба, - желала его, жаждала его!

- Еще, еще, еще, - горячо шептала девчонка, выше поднимая колени, делая свое тело максимально раскрытым и доступным. Она была так мокра, что ее сок тек с каждым толчком. Она скулила, выпрашивая ласки, ее живот дрожал от напряжения, и Глеб уже чувствовал, как она знакомо замирает, изгибаясь кончить - и зареветь, разрыдаться от удовольствия, облегчения и собственной незащитности в руках незнакомца, заставляющего ее переживать эти острые ощущения раз за разом, через не могу.

И это тоже заводило, сносило крышу, и Глеб стонал, стонал в голос, уже не стесняясь, сходя с ума от наслаждения, слыша, как женщина умоляет его ласкать ее еще и еще, как она подставляет свое тело ему, как она жаждет его, как ее ноготки жадно цапают его задницу, и как

она начинает биться под ним, выгибаясь в оргазме, млея от его нежности и замолкая, переводя дух после бешеной страсти, выжавшей до дна обоих.

Глава 5. Муки Ада

Вадим позвонил с утра и сказал, что задержится.

- Буду после обеда, - буркнул он.

Глеб, покачиваясь в кресле, хохотнул, слушая хрипловатый голос зама.

- Что, головушка болит после вчерашнего? - язвительно спросил он, и Вадим неожиданно рассердился.

- Какая головушка, - рыкнул он. - Встреча с инвестором. Забыл?

Глеб присвистнул и прекратил раскачиваться.

- Забыл, - потрясенно произнес он. - Прикинь?!

Такого с ним не случалось никогда, Глеб не мог и припомнить, чтобы что-то ускользнуло от его внимания. Обычно бизнес занимал все его внимание, Глебу просто нравилось держать в памяти все детали, контролировать весь процесс от и до, знать, что все идет ровно так, как Глеб и планировал. А сегодня все мысли о работе просто вылетели из головы...

В памяти все еще вертелись соблазнительные воспоминания, тело еще помнило объятия и трепет женщины, и поцелуи - прощальные, с последними, самыми вкрадчивыми, самыми нежными проникновениями, уже не обязательными, но такими необходимыми...

Они целовались долго, страстно, а потом - нежно, осторожно, и это было отдельным актом любви, отдельной, самостоятельной и интимной лаской, таинством, которое Глеб не делил давно ни с кем из своих подруг и любовниц. Секс внезапно обрел свою былую прелесть и смысл, и наслаждение было во всем - в ладонях, ощущающих теплую округлость девичьих грудей, в упругости кожи на ее бедрах, и в почти медитативном отключении сознания, в абсолютной нирване, когда весь мир заключен в движении, которое превращается в удовольствие, и нет ни единого звука в мире, кроме обжигающего дыхания.

И девчонка хотела его; очень хотела! И именно его, распробовав его ласки. Она поставила, обвивая его горячими руками, она не хотела отпускать его, снова и снова привлекала ее себе, прижималась горячей грудью, животом, тянулась к его губам с такой жадностью, что отказать было невозможно. И он хмелел, упиваясь ее жаждой, и снова целовал ее губы, стискивал ее, горячими губами вдыхал жар ее влажной кожи...

Вжимаясь крепче в раскрытые бедра девушки, слушая ее чуть слышные вздохи, чувствуя, как она обмирает от глубоких проникновений, он понимал, что она чувствует его... принимает...

Это не объяснить. Наверное, это и есть - слиться воедино. Чувствовать наслаждение женщины как свое собственное, знать, что она замечает малейшее прикосновение, тончайшую ласку.

Глеб завозился в кресле, вновь ощутив прилив возбуждения, и Вадим, слушая в трубке затянувшуюся паузу, истолковал ее по-своему.

- Прикидаю, - так же злобно ответил Вадим. - Сам, поди, потихоньку коньячком лечишься?

- Да я с чего, - Глеб вдруг вспомнил, что в этот клуб завлек его именно Вадим, и его радужное настроение вдруг улетучилось, подозрение кольнуло разум острыми иголочками. - А ты не в курсе... что за девушка была вчера в клубе?

Внезапно то, что в комнате оказалась Олечка, и то, что поехать в этот клуб предложил именно Вадим, и именно после разговора о ней, показалось Глебу подозрительно.

«Подложил девчонку под меня, - с внезапной злостью подумал Глеб, одной жирной черной чертой перечеркивая в сознании все блаженство, всю святость и прелесть интимного свидания с Олечкой. - Ты что, самый умный?! За меня решаешь, что мне надо, с кем мне спать?! Девчонку поприличней для меня присмотрел, что ли? Я просил об этом? Просил?!»

На мгновение ему показалось, что друг решил вытряхнуть его из привычной шкуры чудовища, заставить явить миру розовое незащищенное брюшко, и ему это почти удалось. Глеб, вспоминая свою нежность к Олечке, вдруг ощутил страх и стыд, словно его уже разоблачили и уличили в чем-то постыдном. Он почувствовал себя уязвимым и незащищенным. Это ощущения были так позабыты, так глубоко похоронены где-то на дне его сознания, что он даже удивился отчасти, что это беспомощное состояние применимо по отношению к нему. И оттого в его душе поднялась обжигающе-горькая волна яростного протеста.

«Я вам покажу», - злясь непонятно на кого, подумал Глеб.

- Где? - голос Вадима не изменился, не дрогнул. В нем не прозвучало ни единой фальшивой нотки, никакого замешательства или растерянности, только живейшая заинтересованность. Глеб хмыкнул; если б он не знал Вадима, он тотчас же поверил бы, что друг и в самом деле не понимает о чем речь, но он хорошо знал Вадима.

Вадим отменно умел врать.

Он мог спокойно шутить и неторопливым голосом рассказывать какую-нибудь байку, убаюкивая бдительность партнеров, проверяющих, инвесторов, прекрасно зная, что все рушится в тартарары и дела идут из рук вон плохо. Блефовать было не прост любимым занятием Вадима - это было его призвание, его величайший талант. Сам Станиславский аплодировал бы Вадиму стоя, с неистовыми криками «Верю!», если б на заре их бизнеса слышал, как Вадим, тщательно пряча под столом ноги, обутые в начищенные до зеркального блеска туфли с дырявыми подошвами, уверенно подписывал договора на поставки, словно в активе у них был весь никель, весь газ и вся нефть Сибири.

Вадиму верили все - даже строгая дама из пожарной инспекции.

И поэтому Глеб не поверил ему ни на секунду.

- Ну, в комнате, - небрежно произнес Глеб, шуря холодные глаза. - Подарок от клуба.

- А что, не понравилось? - в голосе Вадима послышалась неподдельная тревога. - Чо, бегемота какого подогнали?

- Да нет, не бегемота, - протянул Глеб, внимательно вслушиваясь в голос зама. - Понравилось. А не знаешь, снова встретиться с ней можно?

Глеб даже дышать перестал, пытаясь уловить хоть нотку фальши и надеясь, что зам тотчас воспользуется этой лазейкой и снова подsunет ему девчонку, но Вадим в эту наивную ловушку не попался, он ответил практически сразу же, без заминки:

- Ну, Глеб... насколько я знаю, встречи там рандомные. Как карты лягут. Ты не выбираешь. А чего, чего, - Вадим словно оживился, как будто крепче трубку к уху прижал, - как она, чего делала, а?!

- Да так, разное, - неопределенно ответил Глеб. - Ладно, потом поговорим.

Растревоженное сознание, обострившееся чувство опасности мгновенно вытряхнули его из приятных грез и подсказали четкое, единственно верное решение.

Олечка.

Она не умеет врать так, как Вадим.

Стоит ее увидеть, заговорить, спросить... Она не сможет притворяться.

- К хуям уволю, - зло шипел Глеб, решительно шагая по коридору к кабинету зама. - Устроили мне тут блядские игры...

Внезапно Глеб очень захотел избавиться от Олечки. До зуда в ладонях захотел ее вышвырнуть прочь, подписать быстрым росчерком приказ о ее увольнении, изничтожить свидетеля собственной слабости.

- Оля, ты говорила с Глебом? - голос Вадима был сух, строг, и Олечке огромных усилий стоило удерживать на лице беззаботную улыбку. - Ты же сняла маску, Оля?!

Его вопрос повис в тишине, и Олечка, накручивая на тонкий пальчик телефонный провод и изобразив на своем лице максимально сосредоточенное выражение, согласно кивнула головкой, словно соглашаясь с собеседником, признавая его безоговорочную правоту.

- Нет, конечно, Вадим Николаевич, - пропела она; в ее светлых глазах отразилось неподдельная и самая искренняя обида. - Я этого не делала. Да разве я могу без вашего разрешения...

Голос Вадима в трубке захлебнулся, он чертыхнулся, словно прижег себе пальцы, прикуривая в неудобном положении.

- Он что, рядом с тобой сейчас стоит? - быстро произнес Вадим, и Олечка, нежно улынувшись, все так же прямо глядя в лицо грозного Глеба, буквально испепеляющего ее взглядом, произнесла с чувством, в котором слышалось легкое подбострастие - как раз такое, какому и полагалось быть в голосе секретарши:

- Конечно, Вадим Николаевич! Вы абсолютно... да... да... вы правы, - и Вадим нервно затянулся и присвистнул. Наверное, у него и очки на лоб полезли от того, с каким хладнокровием Олечка сейчас изворачивалась под бдительным оком Чудовища. Стальные нервы...

- Не проболтайся смори-и-и, - простонал Вадим, - Глеб злой, как сука. Я же предупреждал... Я же велел поговорить только, а ты...

- В этой области решения принимаете не вы, - суховати ответила Олечка. - А Глеб Игоревич. Вот он, кстати, стоит передо мной. Хотите с ним поговорить?

- С ума сошла!? - взвился Вадим. - Все, давай. Не проболтайся!

И он дал отбой.

Олечка, аккуратно положив трубку, подняла взгляд на Глеба и чуть улыбнулась. В ее светлых глазах он не рассмотрел ничего, кроме вежливого внимания, и тряхнул головой, прогоняя наваждение и злость, которые по этим чистым взглядом растаяли, как туман под солнцем.

Вадим умел врать; Олечка? Так же как Вадим? Маловероятно...

Значит, все же случай... случай... хм.

- Вы что-то хотели, Глеб Игоревич? - проворковала она, с готовностью ухватив ручку и блокнот, готовая записать его распоряжения, и Глеб, чуть качнув головой, отступил, провел рукой по лицу, словно стирая остатки дурного, липкого сна.

- Черт, совсем забыл, - пробормотал он, стараясь не смотреть на девушку.

С утра ему казалось, что его жажда удовлетворена. Он все еще был во вчерашнем дне, там, где все желания реализовались, все мечты исполнились. Сейчас же, стоя перед девушкой, разглядывая ее, пытаясь совместить в голове два образа - приглашенной, чистенькой и опрятной Олечки и разгоряченной, кричащей от острого удовольствия женщины, он никак не мог поверить в то, что это одна и та же девушка. И желание его никуда не делось; глядя на ее блузку, пересчитывая горошинки пуговиц - пять, их всего пять, - он понял, что хочет снова стащить ее, растрепать девчонку, заставить ее кричать, но...

Но только кричать и стонать Олечку заставлял не он, а неизвестно кто, случайный партнер из клуба. И кончила она впервые, сомлев от непривычных ощущений, она не под ним, не под Глебом, а черт знает под каким мужиком.

«Вот сейчас смотри на меня, - горько подумал Глеб, рассматривая личико девушки, на котором было выписано вежливое внимание, - и думает о незнакомце. Не обо мне. Вот же черт-то...»

С изумление Глеб понял сразу две вещи: во-первых, он хочет Олечку как и прежде, и даже еще больше. Попробовав ее, поняв, что она может быть доступна, он только еще сильнее разжег свое желание. Позволив себе расслабиться, позволив себе проявить чувства, насладиться ими, он захотел повторить это еще и еще, и в качестве партнерши видел только ее - Олечку с завязанными глазами, доверчиво принимающую его.

А во-вторых - вместе с этой доступностью она стала еще дальше и недоступнее, чем прежде.

Выдрав ее как следует, он, как ни парадоксально, не заимел на нее никаких прав. Посмей он щипнуть ее за зад - и она влепит ему звонкую пощечину. Намекни он ей о клубе - и она сочтет это за оскорбление, а то и вовсе может удрать, убежать из его жизни, сгорая со стыда, ведь такими тайнами не делятся ни с кем.

А третья вещь, которую Глеб понял, но сознаться себе в ней не посмел, заключалась в том, что к его дикому, одержимому желанию прибавилась еще и острозубая ревность, которая острыми зубами впиалась в его разум и мгновенно сточила остатки здравого смысла. Сквозь стеклянные двери в кабинете своего зама он увидел, как к Олечке подкатывает снабженец, Пашка, что-то загадочно шепча ей на ушко и пытаясь приобнять ее за плечики. И одного того, как его масляный пошлый взгляд ныряет в вырез ее блузочки, Глебу хватило, чтоб затрястись, как в лихорадке.

- Твою же ма-ать, - протянул Глеб изумленно, больше удивленный не нахальством Пашки, жмущегося к Олечке, которая, по своему обыкновению, краснела и неловко отталкивала слишком навязчивого ухажера, сколько собственной болезненной реакцией на эту, казалось бы, ничем непримечательную картину.

В памяти всплыло развеселое студенчество и первая настоящая любовь, поцелуи при луне и клятвы верности, и драка - тогда к его девушке, с такой же нахальной, мерзкой и гладкой рожей, как у Пашки, подкатил молодой мажорчик. Ночевали все трое в обезьяннике, но Глеб испытывал только злое удовлетворение, оттого что нахлестал как следует по этой похотливой гладкой морде, разбил в кровь поганые жирные губы, которые шептали его женщине соблазнительные непристойности...

Давно это было, давно...

С тех пор, пожалуй, Глеб никого и не ревновал Ни своих жен, ни любовниц. Со всеми расставался легко, улыбаясь, понимая, что ни одна из них не затронет уголка души и не заставит неистово бороться и драться. Отболело, прошло...

Проведенная параллель и всколыхнувшиеся, словно зарница, воспоминания, причинили боль, занывшую в груди словно старая рана, и Глеб, развернувшись, почти бегом бросился прочь - подальше от Олечки, от воспоминаний и от собственных желаний.

Глава 6. Сессия номер два

Весь день зловещей тенью следуя за Олечкой, Глеб так и не нашел подтверждения своим догадкам. Олечка была весела и беспечна - насколько это вообще возможно на работе, а встречаясь с ним взглядом, не тушевалась и не отступала смущенно прочь.

Похоже, его, Глеба, в ее маленьком мирке радости просто не было.

Не о нем, а об анонимном любовнике она думала, не о Глебе - о другом! - она мечтала и вспоминала так, что наверняка трусы намокли. От этих приятных мыслей у нее разгорались глаза и зарозовели щеки, Олечка вдруг расцвела, раскрылась, как бледный розовый бутон, туго завернутый в серебристо-серые атласные лепестки, внезапно явив миру насыщенный, почти алый цвет. Глебу показалось, что она даже похорошела, стала еще красивее и женственней, в походке и жестах появилась томная неторопливая плавность, и Глебу хорошо была известна цена, заплаченная за это! Слезы, льющиеся из-под повязки на глазах, умоляющие стоны и нетерпеливая жаркая возня ее извивающегося тела под ним...

Этак красота словно была упрятана глубоко и зрела, невидимая посторонним, а теперь вдруг раскрылась, поразив весь свет своим неожиданным появлением, и ее увидели все, абсолютно все. Олечка с утра купалась в комплиментах, краснея от смущения и удовольствия, и Глеб замирал, мучаясь от невозможности коснуться ее опущенного лица, от невозможности провести по ее персиково-нежной щеке и зажечь в ее глазах исступление, которое, наверняка, сделало бы Олечку еще краше!.. А она ходила, как ни в чем ни бывало, и даже не смотрела в его сторону!

И что хуже всего, вокруг нее увивался этот чертов снабженец.

Пашка был женат, его жена работала под его началом, но это не мешало ему ходить налево и флиртовать со всеми мало-мальски симпатичными сотрудницами. На людях, на корпоративах, он не позволял себе слишком многого - умный, падла, - всего лишь разговорчики, развлекающие его очередную жертву, вежливые ухаживания типа подай-принеси-налей, и такие острожные, вкрадчивые прикосновения, словно желая, чтоб его жертва привыкла к нему, к его праву ее касаться, и не отторгла его, когда он решится на большее.

Вот и сейчас он осторожно обнимал Олечку за плечи, что-то шепча ей на ушко, отчего девушка смущалась, краснела, а потом заливалась веселым звонким смехом.

И у Глеба просто воспламенялся мозг.

В столовой, куда Олечка спустилась наскоро перекусить, снабженец от нее не отстал. Он продолжил ворковать, что-то рассказывать девушке - травить байки он был великий мастак, - и Глеб насилу сдержал себя, чтобы не подскочить к этой парочке и не наорать на них за то, что устроили шуры-муры на рабочем месте!..

Но потом он вспоминал, что Олечке он никто, и права указывать ей, с кем встречаться, не имеет, и с трудом переводил дух, успокаивался, делая глоток воды, туша пожар в груди. Однако, внезапно итак некстати проснувшаяся ревность не унималась, и Глеб с трудом смог пережить момент, когда Олечка отправилась на служебной машине в офис, расположенный у вокзала, а подлец-снабженец проводил ее до стоянки, помог усесться в автомобиль и прикрыл аккуратно за ней дверку.

- Да мать твою, - зло шептал Глеб, трясущимися пальцами отыскивая номер Вадима. - Устроили тут...

Зама он снял прямо с переговоров.

В голове полыхал пожар, пожирая остатки здравого смысла, рассудка и хладнокровия.

- Сделай что-нибудь, - без обиняков потребовал Глеб, едва услышал гневное бурчание в трубке. - С этой девушкой, из клуба. Я хочу ее. Еще раз. Только ее.

- Ты там совсем с ума сошел!? - зашипел Вадим, явно прикрывая трубку рукой.- Ты еще луну с неба попроси!

- Сделай что-нибудь, - повторил Глеб, слыша, как умоляюще дрожит его голос. Желание и ревность каленым железом прижигали его душу, и он думать ни о чем не мог, только как об Олечке и о том, что она должна принадлежать ему - хотя бы в закрытом клубе, хотя б с завязанными глазами...

«Ей будет хорошо со мной, - униженно, как ребенок, выпрашивающий невероятного подарка, мысленно уговаривал какие-то воображаемые высшие силы Глеб, никогда до этого в Бога не верующий.- И хер она завтра посмотрит на этого чертового скользкого говнюка! Да я все сделаю...»

Почти от физической боли он едва не застонал, представляя, как снабженец пытается чмокнуть Олечку в щечку на прощание. Господи, вот это влип! Сейчас, мучаясь, как грешник на сковороде, Глеб был согласен на все, на любую помощь Вадима. Подспудно он даже ждал, жаждал, что Вадим признается в том, что подложил Олечку под него, господи, пусть это будет правдой, ну, пожалуйста!..

Но Господь, видимо, решил, что всего одного дня ревности, выжигающей все живое, для Глеба маловато, и на его мольбы не откликнулся.

- Я не боженька, - грубо ответил Вадим. - Обратись к администратору.

- И что ему сказать? - с надеждой спросил Глеб.

- Я откуда знаю, что ты скажешь! - рявкнул Вадим. - Все вопросы к администратору. Все, отбой.

- Ну, ведете же вы какую-то документацию, - горячился Глеб, наседая на скисшего администратора. - Неужели так сложно - еще раз организовать встречу именно с этой девушкой?!

- Нет, но... - администратор уже искренне пожалел о том, что взял у Вадима деньги. Клиент требовал именно эту девушку, а с ней, как на грех, не было ни единого контакта. А если поднимется скандал? Если до начальства дойдет? - Но эта девушка ходит редко...

- Редко? - уточнил Глеб, и администратор почувствовал прилив вдохновения.

- Да, - подтвердил он, тщательно изображая пренебрежение. - Белая Лилия...

- Это почему Лилия? - насторожился Глеб. Лилия? Свое имя скрывает? Назвала выдуманные данные?

- Привередлива очень, - ответил администратор. - Отказов от игры - и от предлагаемых партнеров, - уже пять. Еще две лилии - и она покинет клуб навсегда. Таковы правила. Не знаю, может, уже покинула. Скорее всего, так. Уверен в этом. По смене должны передать...

И он с озабоченным видом принялся листать журнал с записями, изображая бурную деятельность.

Однако, Глеба эти оправдания не тронули вовсе. Невозможность получить желаемое только еще больше раззадорила его, в его голове мелькнула отчаянная мысль, что если сейчас этот скользкий слизняк не найдет способа выманить Олечку на свидание, Глеб оттрахает ее прямо в офисе, на столе, так же неистово, как в клубе!

Ладонью он прихлопнул перелистываемые страницы, замая бумагу, и побледневший администратор вскрикнул от неожиданности, отдернув руки, по которым пришелся чувствительный удар.

- Значит так, - медленно и внятно произнес Глеб, глядя ледяными глазами в перепуганное лицо администратора. - Напрягай свои мозги. Делай что хочешь. Но я хочу видеть именно эту женщину. Плачу любые деньги.

Простимулированные цифрой мозги администратора заработали, по его перепуганному лицу скользнула несмелая улыбка, и Глеб кивнул головой.

- Во-от, - протянул он, -вижу, путь решения задачи ты уже видишь. Отлично. Жду результата.

Олечка ждала его во все той же, двадцать пятой, комнате, сидя в кресле.

На глазах ее была надета плотная повязка, как и в прошлый раз, и ноги под коротенькой плиссированной юбочкой широко расставлены.

Глеб даже сказал бы - вызывающе.

Нахально.

Она сидела, заметно волнуясь, то и дело облизывая пересыхающие губы, но вызов все равно ощущался в ее позе, с горд выпрямленной спине, отчего осанка девушки была прямо-таки царской, в отведенных назад плечах, в приподнятом подбородке.

Госпожа.

Расставив ноги, широко разведя колени, она ожидала его, и ее тело словно говорило: подойди сюда и попробуй взять меня, если посмеешь. Иногда она прогибалась в пояснице, явно устав держать это положение, и тогда ножки ее переступали, набойки на высоких каблукках звонко цокали об пол, и этот звук резал нервы острее, чем самый откровенный крик.

- Прекрасно выглядите, - произнес Глеб. Его голос предательски хрипнул, но девушка, похоже, все равно узнала его. Того, кто доставил ей столько удовольствия. Кому она доверила свою тайну свои слезы. - Поиграем?

В комнате повисла напряженная пауза, и Глеб чувствовал, что сходит с ума от напряжения и ожидания в эти бесконечные несколько секунд пока она молчала, с улыбкой обдумывая его предложение.

- Роза, - с вызовом произнесла и развела колени чуточку шире.

Ах ты ж, твою мать, чертовка!

Глеб почувствовал, что его трясет, пока он преодолевал эти несколько шагов по направлению к сидящей девушке. Его рука опустилась на ее бедро, стиснула мягкую кожу и поползла вверх, сдвигая и сминая тонкую ткань юбочки, и мужчина едва не взвыл, когда его ладонь коснулась теплого, чуть подрагивающего от волнения бока девушки, и он понял, что трусиков на ней нет.

Любишь играть погорячее, девочка? Я тебе устрою...

- Не против, если я привяжу тебя?

Этот вопрос Глеб выдохнул Олечке в ушко, зарываясь лицом в ее светлые рассыпавшиеся волосы.

- Вот тут, - его рука скользнула по округлому колену девушки и чуть притянула его к ножке кресла. - И вот тут, - ладонь мужчины жадно цапнула девушку за самое мягкое, самое чувствительное место на внутренней поверхности бедра, так что она испуганно и возбужденно охнула.

- Роза, - ответила она, подрагивая, когда его пальцы разгладили кожу, на которой проступали красные следы его пальцев. Дыхание ее участилось сердце колотилось так сильно, что Глебу казалось, что он видит, как вздрагивает белоснежная ткань ее блузки у девушки на груди. Но она отважно продолжала игру, щекочущую нервы, разливающую по крови адреналин и бешенное возбуждение, и Глеб понял, что сегодня хочет наказать ее.

За ревность, от которой он мучился целый день.

Что будет равноценно его страданиям, интересно?

Они причиняли боль, но были так сладки...

Он раздевал ее неспешно, аккуратно, чувствуя, как она вздрагивает от каждого прикосновения его рук, задыхаясь от волнения и неведения того, что он задумал. Но привязать себя позволила без какого-либо сопротивления, руки к поручням и ноги - для этого ей пришлось максимально широко их развести, и Глеб, закончив, на шаг отступил, любуясь ее обнаженным

белоснежным телом, чья мягкость так красиво контрастировала с жесткостью черных ремней, фиксирующих ее бедра.

Бессовестно раскрытая, осторожнодвигающаяся, отыскивая наиболее удобное положение, девушка показала Глебу невероятно красивой. Вот именно такая - связанная и беззащитная, не имеющая возможности прикрыть свое тайное местечко. Он вообще находил женщин очень эстетичными созданиями, особенно в такой вот позе. Бедра у них тогда казались более округлыми, и мягким даже на один взгляд. Каждая складочка на животике - как свидетельство беспомощности и беззащитности. Обычно ведь женщины скрывают животик, а в этой вынужденной позе его не уберешь, не скроешь, и тогда открывается правда...

Покрасневший от возбуждения треугольник между ножек, припухшие половые губки просто манили, требовали, чтобы он прижался к ним губами, ощутил их влажность и мягкость. Самое нежное, самое прекрасное место в женском теле, сводящее с ума своим естественным запахом, запахом самки. Иногда этот запах спокойный, уютный, сладковатый, как хлеб. Иногда стойкий, мускусный, как благовоние, и его невозможно отмыть с пальцев с первого раза. Он волнует и напоминает в течение дня о том, как хорошо было ночью...

Иногда это отчетливый запах орехов, а иногда - острый запах свежести.

Глеб любил вдыхать этот изысканный аромат, свидетельствующий о желании. И ласкать женщин языком там тоже любил, особенно когда она становилась на колени, а он удобно устраивался у нее между ног.

Нет ничего трогательней и прекраснее, чем женщина, терпеливо ожидающая наслаждения.

Сначала она поджимает от нетерпения бедра, потом расслабляется, позволяя гладить себя, прислушивается к своим ощущениям - и нетерпеливо постанывает, сама ласкаясь об язык мужчины, чтобы, наконец, кончить, и выдохнуть свое удовольствие резкими грубыми стонами...

«Но язык - это слишком нежное и мягкое удовольствие, - посмеиваясь, думал Глеб, обходя девушку кругом и поглаживая ее обнаженную грудь, вслушиваясь в ее сбивчивое дыхание. - А нам нужно что-нибудь посерьезнее и почувствительнее...»

На столике в полутьме были разложены всякие штуки; поблёскивающие хромированным металлом и какие-то незамысловатые, до ужаса напоминающие бытовые приборы. Глеб взял одну такую пластиковую штуку, с небольшой округлой головкой. Нажал кнопку переключателя, и странная штука ответила ему чуть слышным жужжанием.

- То, что надо, полагаю, - негромко проговорил он, посмеиваясь, и Олечка настороженно завопилась, ее ручки, крепко схваченные мягкими кожаными петлями, цапнули подлокотники кресла.

Когда вибрирующая головка коснулась ее кожи, Олечка оглушительно взвизгнула, сжавшись и засмеялась, пытаясь вывернуться из-под щекочущего вибрирующего предмета. Ее кожа покрылась мурашками, как от сильного холода, и Глеб удовлетворенно хмыкнул.

- А так?

Коварно прикоснувшись к соску, Глеб с удовольствием увидел, как от воздействия тот мгновенно подтянулся, стал острым и жестким. Олечка шумно втянула воздух сквозь стиснутые зубы, подчиняясь его ласке, и задышала часто и шумно, когда вибратор чуть надавил, прижимаясь плотнее, вжимаясь в мякоть груди. Казалось, вибрация пронизывает ткани, тревожит чувствительными покалываниями каждый нерв, и тело девушки против ее воли начинает изгибаться, стараясь вывернуться из-под острого раздражителя.

Глеб зашел за спину девушки и, обхватив ее за шею, принудил улечься на спинку кресла. С этой позиции она показала ему еще более беспомощной и напуганной, животик ее часто вздымался и чуть заметно дрожал, и Глеб, вкрадчиво скользнув по напряженному, покрасневшему соску пальцами, приложил вибратор ко второму соску, поглаживая его прямо-таки с

садистским наслаждением и прислушиваясь к долгому, мучительному стону, вырвавшемуся у Олечки из раскрытых губ.

- Хорошо? - спросил он, лаская ее соски. Она не ответила - нетерпеливо возясь в кресле, она пыталась зачем-то свести ноги, и ремни впивались в ее кожу, только подчеркивая ее соблазнительную мягкость.

- Что такое? - посмеиваясь, произнес Глеб, продолжая свою беспощадную игру. Он чуть наклонился над девушкой, его ладонь соскользнула с часто вздымающейся груди на ее животик, провела меж ног.

Девушка была абсолютно мокрой. Уже сейчас - а ведь они только начали! Проведя пальцами меж припухших губ, он неспешно погрузил палец в ее лоно и почувствовал, как внутри сжимаются ее мышцы, когда она пытается свести ноги вместе.

Какое возбуждающе ощущение!..

- Так чувствительно? - притворно удивился он. - А представь, каково там...

Прижавшись щекой к ее горячей мокрой щеке, вслушиваясь в каждый ее жадный вздох и стон, Глеб медленно провел вибратором вниз по ее коже, чуть коснулся задрожавшего бедра, и резко вжал его в раскрытую влажную мякоть меж ног.

Олечка с криком выгнулась, но Глеб удержал ее в том же положении, прижимая ее содрогавшееся тело к спинке кресла, и водя игрушкой меж дрожащих ног девушки.

- Может, прекратим? - промурлыкал Глеб, глядя, как Олечка рвется освободиться, как черные ремни жестко впиваются в ее тело. - Нет? Одно твоё слово...

Олечка скулила, дрыгаясь в его руках, опуская голову, словно желая заглянуть, увидеть, что он там вытворяет с ее телом, и снова бессильно откидывалась на спинку, багровея от напряжения.

- Ну-у? - Глеб отыскал напряженный упругий клитор и целенаправленно нажал на него, отчего девушка испустила жалкий крик и забилась, заметалась в удерживающих ее ремнях.

- Ро-оза,- упрямо прорывалась она, трясаясь всем телом. - Роза...

- Очень хорошо, - произнес Глеб и отнял вибратор от ее извивающегося тела.

Одежда, казалось, покинула его тело незаметно, словно растворившись в воздухе, и когда Глеб прижался к привязанной девушке, ее тело показалось ему обжигающе горячим.

Медленно, наслаждаясь каждым миготом беспощадного прикосновения, он провел пальцами по раскрытому мокрому лону девушки, растирая ароматную влагу по ее коже, прислушиваясь к каждому движению ее напряжённых мышц, чувствуя, как под его рукой ее возбуждение лишь нарастает. Он отыскал пальцами ее клитор - слишком чувствительный после игры с вибратором, возбуждённый, крупный и упругий, - и так же нарочито медленно погладил его, чуть прижав, потерев, с удовольствием ощутив, как тело девушки остро реагирует на его ласку. Олечка зашлась в громких криках, вздрагивая от самого лёгкого прикосновения его пальцев. От дрожи ее мышцы становились твёрдыми, как камень, и Глеб, поглаживая самым кончиком пальца вершинку чувствительной точки на теле девушки, с удовольствием почувствовал, как ее влага, ее сок, заливает ему руку, а проникнув пальцами в ее лоно, уловив мелкий трепет ее нутра, он понял, что девчонка кончила.

Коварно, напыжившись и скрыв от него свое первое наслаждение, которое, вероятно, было быстрым и неглубоким...

- Ах, вот как, - протянул он, погружая пальцы в ее жаркое лоно, трахая ее нещадно - так, что она завелась тут же, снова, и, постанывая, мелкими толчками подавалась вперёд, стараясь принять его пальцы глубже и доставить себе ещё больше удовольствия. - А где же слезы? Их не будет?

Олечка упорно молчала, прикусывая губки. Пальцы Глеба двигались все быстрее, все жёстче, и Олечка нетерпеливо постанывала, желая, чтобы внутри ее ласкали совсем не пальцы, но Глеб не торопил события, хотя сам был уже возбужден настолько, что, казалось, ещё немного - и он кончит от одних стонов девушки. Ему неожиданно остро понравилось играть с ее телом, ласкать и гладить девушку где угодно, вслушиваясь в ее нетерпение, в ее умоляющие стоны, видеть, как она выгибается, следуя за его рукой, выпрашивая, чтобы прикосновение было плотнее, чувствительнее.

Он разглаживал ее набухшие от желания губки и с удовольствием наблюдал, как девушка, поскуливая, виляет задницей, нетерпеливо крутится, пытаясь заставить его коснуться жаждущего лона хотя бы одним пальцем. Казалось, она сходит с ума от возбуждения, и его дразнящие прикосновения, не приносящие ей разрядки, сейчас доведут ее до иступления.

"Это тебе в наказание за мои муки,- мстительно думал Глеб, обводя розовую мякоть пальцем, чуть касаясь мокрой ароматной кожи, так, что Олечка, трясаясь, как в лихорадке, откинулась назад и заскулила почти с отчаянием. - Будешь знать, как заставлять меня ревновать..."

- Хочешь кончить? - тихо произнес Глеб, чуть касаясь ее губ своими губами. Его поцелуи были тоже такими же дразнящими, лёгкими, неуловимыми. Олечка пыталась ответить, прижаться к его губам своими, но он ускользал каждый раз, продолжая дразнить девушку, заставляя ее распробовать, каково это - сходить с ума от желания и не получать то, чего хочешь. - Хочешь?

- Ро-о-а, - стыдливо проскулила Олечка, вздрагивая на его руке, когда его пальцы снова коварно и сильно скользнули вглубь ее тела.

- Очень хочешь?

Его пальцы проникли в ее тело очень глубоко, толкаясь там безжалостно и чувствительно, а вибратор, смяв красные от возбуждения ткани, плотно прижался к клитору, чуть поглаживая.

- Господи боже мой! - громко взвизгнула девушка, изо всех сил рванувшись, стараясь избавиться от жестокой ласки, но вместо желанного облегчения пальцы Глеба поникли в нее ещё глубже, поглаживая крепче и чувствительнее, и Олечка зашлась в оглушительных криках, изо всех сил стараясь свести вместе ноги, дрожа напряжёнными бедрами.

- Неужели так плохо? - притворно посочувствовал Глеб, поглаживая клитор девушки все настойчивее, но, кажется, она была не в состоянии воспринимать слова. Ощущения переполняли ее сознание через край, она извивалась, содрагаясь всем телом, крутила задницей, пыталась освободить связанные ноги, и кричала, кричала не переставая, захлебываясь собственным криком. Острого, невыносимого наслаждения было так много, что девушка не могла кончить, удовольствие почти превратилось в муку, и даже поцелуи Глеба, которыми он жадно покрывал ее раскрытые губы, казалось, она не замечает.

Лишь на миг он отнял от ее содрогающегося тела вибратор, как девушка кончила, сильно, глубоко. Спазмы выкручивали все ее тело, из напряжённого горла рвалось грубое, почти звериное рычание, и трепещущее лоно на его пальцах расслабилось, стало мягким и невероятно мокрым.

- О, о, о, - постанывала Олечка, пребывая, кажется, на грани обморока, едва ли что-то соображая. Его рука двигалась в ее теле неспешно, осторожно, ловя последние, самые мелкие спазмы, и Глеб почти затаил дыхание, чтобы услышать первый, самый жалобный и отчаянный вой девушки, когда вибратор снова коснулся ее клитора.

- Продолжим? - коварно шепнул Глеб, чувствуя, как расслабившееся было лоно девушки снова крепко обхватывает его пальцы, а сама она дышит часто-часто, словно воздуха ей не хватает, и хнычет почти с отчаянием, изгибаясь дугой.

- Нет, нет, нет! - верещала она. Ремни на ее бедрах снова глубоко впились в кожу, оставляя красные полосы, живот девушки дрожал, и капли пота стекали по нему.

- Нет - значит "лилия"? - уточните Глеб, приставляя вибратор к распаленному входу и поглаживая ее напряжённый клитор пальцами. Девушка, откинувшись обессиленно назад, завывала, содрагаясь всем телом, слезы градом лились по щекам из-под повязки, но стоп-слова не произнесла.

- Лилия? - попытывался Глеб, настойчиво поглаживая клитор девушки, лаская его осторожными круговыми движениями, и чуть сильнее нажимая на вибратор, немного погружая его в мокрое узкое лоно. Девушка забилась, зарыдала в голос, извиваясь под его жестокой лаской, ее ногти яростно рвали подлокотники кресла, и Глеб с трудом сам сдержал стон, потому что дальше смотреть на это сил у него не было. Его член уже болел от возбуждения, ему казалось - прижмись он сейчас к Олечке, коснись ее пылающей кожи головкой члена - и разрядка наступит тотчас же.

Но ему было этого мало; он ещё не насладился ее телом, ее беспомощностью и ее криками. И ее волшебным запахом.

Откинув в сторону игрушку, он подхватил стонущую девушку под ягодицы и подтянул к себе ближе, склонился над ее дрожащими, раскрытыми бедрами и впился жадными губами в мокрое горячее лоно, целуя и вылизывая так жадно, что девушка снова закричала, словно он опять терзал ее вибратором.

- Возьми меня, - выдохнула она, изо всех сил стараясь освободиться, выкрутить руки из кожаных петель. - Ну, пожалуйста... Возьми!

Но тут язык Глеба касался ее возбужденного клитора, и девушка со стонами откидывалась назад, глубоко и удовлетворенно дыша, и замирая, растворяясь в очередном оргазме.

- Возьми... Ну, возьми же!

Едва он потянул застёжку, освобождая ее руки, едва спали с ее бедер удерживающие ремни, как она обняла его, прикинув всем телом, неистово целуя, прижимаясь животом и нетерпеливо выпрашивая ласки.

- Трахни меня...

От первого проникновения в горячее девичье тело Глеб замер, переживая первое наслаждение, чтобы все не кончилось слишком быстро. Подняв девушку, обнявшую его руками и ногами, с кресла, крепко ее прижимая к себе, поддерживая под бедра, он толкнулся в ее лоно - и не сдержал стоны.

- Как хорошо, - блаженно шептала девушка, принимая его в себя, - как хорошо...

Она с жадностью прикила к его губам, и их дыхание, стоны наслаждения и крики перемешались. Глеб яростно и сильно толкался в ее лоно, влажные тела соприкасались с жадными шлепками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.